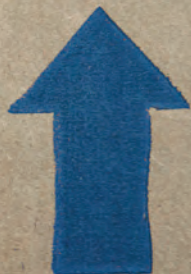

Ирина Терюнова

Коробок

Ирина Перунова

Коробок

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Перунова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
П27

Художник серии: Сергей Труханов

И. Перунова
П27 Коробок. — М.: Воймега, 2014. — 100 с.

ISBN 978-5-7640-0148-7

Книга выпущена при поддержке Рыбинского отделения
Союза писателей России.

© И. Перунова, текст, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

Поэт останется при своём

Предисловие к книге стихов имеет смысл в двух случаях. Когда поэт, уже приобретший известность и авторитет, представляет читателю поэта начинающего — как Михаил Кузмин Анну Ахматову, предваряя её первую книгу «Вечер». Или когда один крупный поэт предлагает своё, нетривиальное представление о творчестве другого крупного поэта — как Бродский о Цветаевой. У нас — ни то ни другое: Ирина Перунова — поэт постоянно развивающийся, меняющийся, словом, живой, но при этом давно и нерушимо сложившийся, и если предшествующие публикации её стихов и всё, что было о них сказано и написано, не представили её до сих пор хотя бы приблизительно, то не сделает этого и нынешнее предисловие. Я по отношению к ней как поэту не мэтр и в лучшем случае могу говорить о ней как сотрудник по цеху. Тем не менее я принял просьбу написать это предисловие — не как Анатолий Найман — поэт, а как простоявший шестьдесят лет лицом к лицу с поэзией, в окружении поэзии, окутанный, пропитанный, насыщенный ею, сытый, пьяный, голодный, жаждущий — её.

Как пишется предисловие к стихам? Пишущий получает рукопись и читает страницу за страницей, ставя плюсы, минусы, галочки, помечая отдельные строчки и слова. Просматривает опять от начала до конца, собирает пометы воедино, группирует и формулирует выводы. После чего, если легло на душу, возвращается к стихотворениям и строчкам уже как читатель, поклонник, гурман, эстет и получает

соответственное удовольствие, тревогу, наслаждение. Внешне так оно и выглядело с книгой «Коробок», но минусы значили для меня то же, что плюсы, и отсутствие галочек — то же, что наличие. То, чему мой вкус и мои убеждения противились (много, много реже, чем принимали, восхищались, благодарили), я осознавал значимым в не меньшей степени, чем то, что вызывало безусловное одобрение. Отсутствие значка сплошь и рядом свидетельствовало о том, что страница не хочет укладываться ни в одно из приходящих в голову умозаключений, или о том, что я хочу оставить её для себя, не желаю делиться.

Поэзия, как всякое искусство, не о чём, а как. Как — откройте книгу и читайте, я не стану выщипыванием цитат портить впечатление от цельности каждого стихотворения и всего корпуса. Но можно попробовать сказать и о чём. О том, что вместила в себя строчка Блока «Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!». Если площе, грубее и сниженнее — власть, бездна, разбойная предприимчивость, лагерная зона. К этому — то, что прибавила одичавшая бесчеловечность XX столетия, идеологическая, идейная и практическая: война, нищета, вымирание. Всё это у Перуновой не в лоб, а точнеешими, тончайшими, предельно экономными художественными средствами, часто полусловом, междометием, мимолётной интонацией. Не обличительно, а сострадательно. Короче, и по содержанию, и по манере исполнения — Россия. Не та, которой распоряжается театральный баритон патриота или злорадное иронизирование свободолюбца, а с которой «вместе нам маяться» до самой смерти. И «вместе» — не со стороны, с самолёта, из автомобиля, с дивана в гостиной, а изнутри: в избе, в двухкомнатной распашонке, на заплёванной лестнице, на ледяной чёрной улице. Та, в которой смерть не слишком отличается от жизни, во всяком случае они не противоречат

друг другу. «В этом ли мире, над этим ли миром — лишь бы не местный мирок-коробок». Местный мирок-коробок, разновидность гроба.

Публика предпочитает не подлинность, а подделку. Не холст, писанный маслом, а раскраску. Не еду, а закуску, не пищу, а приправу, не хлеб, а торт. Мириады ежесекундно извергаемых миром слов истлевают в пыль ещё до того, как мы успеваем пропустить их мимо ушей. Мы не замечаем, что место и время, в которых живём, те, что зовём реальностью, лежат под ней, покрыты, скрыты ею. Мы дышим пылью слов, а не воздухом их. Мы привыкли, что поэты говорят важно, не по-нашему, что они профессионалы, что поэты — это те, кого так называют по телевизору. Привыкли до того, что, когда появляется поэт настоящий, бесспорный, пронзительный, такой как Ирина Перунова, мы фыркаем, нас раздражает, что она не такая, как они. И вообще не такая. Ну как вы думаете: на кого должен быть похож поэт, если он хороший, на воробья или на жар-птицу? На жалкого, затравленного, в теплушке Мандельштама или на великолепного, во всеоружии причёски и роста, автора текстов к поп-песням?

Поэзия сейчас — замусоренный пятачок, на котором толкутся все, кто хочет. Что должно произойти, чтобы стихи Перуновой были прочитаны не только как образчик поэзии, а и как образец? Один из. Из считанных, крайне немногочисленных. А ничего не должно. Я вспомнил, как Ахматова говорила: «Поэт — это тот, кому ничего нельзя дать и у кого ничего нельзя отнять». Вспомнил после большого перерыва, пятьдесят лет прошло. Тогда поэтических имён было мало, каждому знали цену. Цена устанавливалась не из денежного эквивалента престижных премий, премии давали другим. А из того, чем, как и насколько беззаветно, какими то есть

строчками и стоящей за ними личной судьбой оплатил своё имя его носитель.

Поэт останется при своём. Ирина Перунова остаётся при своём — редком даре, неоспоримой убедительности, красоте стиха. Незаметно, чтобы признание или непризнание сколько-нибудь занимало её. Зато ценителям поэзии, не только тем единицам, для кого поэзия необходимость, повседневность и непреложность, а и тем, кому она хотя бы безразлична, придётся постараться. Такие стихи, как составившие эту книжку, сперва надо искать, найти, потратить на это силы, труд. Поэзия — не парк культуры и отдыха со свободным входом. Только заслужившим её открывается разница между нею и имитацией.

Анатолий Найман

Иве и Стелле

1

* * *

Не чёрен мел и хлеб не бел,
суши свой хлеб, кроши свой мел,
но между самых малых крох
увёртлив сполох
как будто соли или льда:
не льда, не соли — силы, да,
любви, отчаянья, стыда —
бог знает — порох.

В каких там спорах рождена,
какая истина? Стена.
Зима забеливает швы
легко и споро.
Но в сердце — бах-х! — и где она,
твоя броня, твоя стена? —
и Бог с тобою, Бох-х с тобой
да порох в порах.

* * *

А Нева — жива, не стара ещё,
пишут, выглядит потрясающе.
Мы с тобою вдвоём, увы,
водоём потемней Невы.
Оттого ли, что два в одном,
тихий омут всегда вверх дном,
встанем — прорубью выбьем лом,
сядем — порознь скрипим стилем.
И пока оно вслух скрипит,
снегопад нашу рябь скрепит,
будет стол подгрести ребром
к неровной Неве наш дом.

* * *

То ли в проруби неба малёк-самолёт
на невидимой леске парит,
то ли кит на него краснопёрый клюёт,
то ли облако-рыба — не кит.
Век отходит ко сну. Веки заперты на
рыболовный крючок абы как.
Колобродит по дну рыба-баба-страна —
подсекай, Бога ради, рыбак!

Я рыбёнок — ребёнок — густая плотва,
я по горло в стране, я — она,
дай мне Слово, ловец, я забыла слова,
мелюзга, невеличка, шпана.
Тяжелеет она, шелушится она,
хоть ногтями с себя соскребай.
Мне ли в пищу дано, я ли в пищу дана,
баю-баю-боюсь, подсекай!

Он стоит на мосту между небом и мной,
то ли брат мне он, то ли отец,
облака разгоня свистящей струной:
месяц — солнце — блесна-бубенец.
Небо видно давно сквозь последнее дно,
всё прозрачнее та сторона,
до единого *на* упраздняя все *но*,
между мною и небом — струна.

Оттепель

Они схлестнулись с ветром этим —
и вот, оттаяли едва.
Не ветки, нет, — пруты и плети,
что не согдились на дрова.
Как интернатские подростки,
стоят в снегу у края рва:
листвы бесцветные обноски —
гуляй, рванина, снова!
Кропил бы дождик из пипетки
зелёнку в листовенные рты,
была бы роща...
— Малолетки, о чём грустим?
— Иди-ка ты...
С них не потребуют озона —
всё проще, Господи прости:
не зона плачет, так промзона,
охоты нет — сюда расти.
И нет резона быть как дети.
И не понять, чем жизнь жива.
Но, Боже мой, пруты и плети
ещё стоят за дерева.
Тебе посильно приодеть их
у всех заборов и канав
пушистым всполохом соцветий,
Христе мой,
смертью смерть поправ!
Ещё схлестнутся с ветром этим,
кому — под ковш, кому — под пресс,
они поймут Тебя, ответь им
Ты сам: «Воистину воскрес!»

* * *

Слишком седой пробор
мальчика для битья.
Слишком стальной прибор
нежному для бритья.
Сложно ему, вполне
впавшему в забытьё
не по своей вине,
это житье-бритьё.
А поглядит одним,
а не другим глазком —
Ангел стоит над ним
с бритвенным помазком.

Царь

Ты говорил, он был царём,
несчастный Навуходонсор —
жевал траву, страдал поносом,
на четвереньках пасся днём.
А что он делал по ночам,
да ничего иного кроме:
во сне ко Господу мычал
в сухой неласковой соломе.
Семь лет, иначе семь времён
от речи был свободен он.

Не всё ли нам с тобой равно,
горюч ли перец в этой байке.
И ты в пропахшей ветром майке,
под сердцем вермута пятно,
глядишь на облако — оно
почти окно, почти на север.
Вплетает дождь в своё рядно
пожухлый предосенний клевер.
Ты тоже царства не лишён,
прошу, не думай, что лишь он.

* * *

А если в облаке звезда —
моя, моя! — гори, гори!
А если слово без труда,
на жизнь вперёд наговори.
Я вспомню всё тогда, когда
лишь этот свет на жизнь назад:
ещё не ад, пока звезда,
уже — не ад.

Стадо

Сужает лужа берега,
ты посреди, вокруг рога,
вода рогатая по грудь.
И всхлипнуть — ах,
и охнуть — жуть.

Оно пришло. Оно — они.
А ты ни слова, ты ни-ни,
о, как лилово и красно
в глазах у них, они — *оно*.

Из хриплой мякоти ноздрей,
из глины жилистых корней,
из мехового мха камней —
оно. И лужа всё тесней.

Лов

Как над грудой рыбы парят пузыри,
обаяние дыбы под знаком зари,
осязание жаберных крыльев словес,
ловко снятых с крючка и теряющих вес
на песочной меже,
как скрипит чешуя...

Вот и песня уже:

— Виновата ли я, —

подпеваю девчонкой хмельному бабью, —
виновата ли я, что люблю.

Мне лет семь, в этом сне. Тянут песню гуртом.

Я запомню себя с шевелящимся ртом
и забуду себя.

Я играю в Ассоль,

подаю им лаврушку и соль.

Как доспехи, надраен песочком котёл.

Вот я — Жанна д'Арк!

Но глотает костёр

лишь очистки, охвостья, щепу, шелуху.

Бабье царство колдует уху.

— Виновата ли я, что мой голос дрожал, —
чешую о песок вытирают с ножа.

А дымок отлетел.

А туман поредел.

А мужчины и мальчики в небе-воде —

в невидимок-людей достоверно играют:

эти сети они без меня выбирают.

Исчезают-встают — подождите нас тут!

Исчезают-встают — подождите нас тут!

Белые совы

Бескомпромиссная тупость ножей
в поле отсутствия братьев-мужей.
Белые совы,
невесты Христовы —
в поле отсутствия братьев-мужей.
Спицы вязальные ходят, заломлены,
в женских руках
или в клювах — соломины?
Кажется сценой топчан их, насест.
Сольные роли, но выклеван текст.

Мимика театра бессрочного жеста
в углу единстве часа и места.

Так распускают узлистые шали:
нить золотая и нитка из стали
выцвели обе, но обе крепки —
не рассучить колтунов на клубки.
Мёрзлая сыграна в лицах земля,
как не чужая для спицы петля.
Кто вы такие,
чтоб вытянуть нить?
Только и времени — шаль доносить.

* * *

Кто накрыл покосившийся остров
облаками на восемь персон,
обошёлся музыкой без тостов
и забвением без похорон.
Я, восьмая, возьму, что оставят
остальные, — восьмой, остальной,
и когда моё сердце проявят,
в нём обрящется контур стальной.

* * *

Кофе крепкий. Даже очень.
Очень слабый — кто? — не вижу.
Каждый крепок, хоть непрочен,
если выпил свою жижу.
Каждый горек, кто не сладок,
если дно своё пыгает:
есть на дне всегда осадок,
что не тает — тает — тает.

Извиняю, снявши пенки,
черноту скрипящей гущи —
поздно мне, тараща зенки,
в ночь гадать на день грядущий.
Рано — что? Плывёт завеса
дымовая-дымовая.
Заказав двойной эспрессо,
ухожу не допивая.

Сфинкс

В смысле шерсти какой с неё прок,
с лунной кошки по имени Лолла?
Тем прелестней надменный кивок
головы клиновидной и голой.

Мы-то думали: кошка — урод,
бедный Питер, больная природа...
Дураки! Экстремал петерболд —
не урод, а такая порода.

Полный блеск, абсолютная плешь.
Не найдёшь адекватно глагола,
только: «Ешь, моя девочка, ешь...» —
а себе под язык — валидола.

Гордый жест — от ушей до хвоста:
«Сами ешьте свои макароны!
Мир спасала моя красота,
и рыдали по мне фараоны!»

Гобелен

Плотью исхудалой гобелена
горбится Еленина столица —
Троя травяная, шерстяная,
траченная молью Троя в лицах
выбывших. Но вглядываясь в пятна:
— Вот она, прекрасная Елена! —
утверждает гид, и всем понятна
пятнышка нетленная измена.

* * *

Гребень, срубленный с шлема до самых волос,
и прошитый стрелой в два локтя щиток —
очевидно не тема. Ушёл в пылесос
грубо загнутый ногтем обрывок-листок.

Жизни книжная даже не пыль, а пыльца.
Оседающий анти- в крови депрессант.
А зацепит, и вертится фраза с конца:
Тридцать тысяч солдат знал в лицо Александр!

Марс

Реки на нём, огневидные реки.
И переходят себя они вброд,
пренебрегают, бегут от опеки
всех берегов и свиваются в свод
неба — на залитом тушью картоне.
Жалко, а нечем помочь комару,
влип, бедолага, и в лужице тонет.
Не прикасался бы лучше к перу.

* * *

Густо мечется бисер
мелюзговой пыльцы,
крылышкующий миксер —
мотылёк Лао-цзы.

Что доносит разведка?
Расшифровку пыльцы!
Пишет пьяная ветка
мотыльку Лао-цзы.

* * *

Эники-беники ели вареники:

— На квинтэссенции женской истерики,
Оленька, можно ль поэту жениться?!

— Ты же и сам, извини, — роженица,
жертва, беременный Ангелом слух...
Где Боливар, чтобы выдержал двух?
Та — без уздечки загонит табун!

— Да, поэтесса поэту — табу.
В гомики, в гномики лучше, в скопцы.
Эники-беники, дрянь голубцы!

* * *

Кто-то плачет подробно — идёт наугад
круглосуточный снег. Хрящевидный плакат,
занавесивший с улицы окна,
до последней медали промок, но
трёхметровою мышью летучей висит,
вечен театр и его реквизит.

Раздражённый очкарик в квадратном тылу,
напрягая чело, им ведёт по стеклу,
упирается в форточку — бзыц! — и, шалишь,
не спугнёшь эту чертову мышь!
Покарябал изнанку, ножа не нашёл,
запер фортку и понял: шеол.

Костюмер

Не костюмчик играет, моя дорогая,
но актриска, актриска же в нём!
Вам ловить на рукав иероглифы рая,
допивать свои «виски со льдом».

Вам ловить на рукав иероглифы рая,
первый снег, залетевший в Содом.
Не костюмчик играет, ви поняли, Рая?
Одевайтесь, поймёте потом.

* * *

Путешествуя на льдине
по расплавленной пустыне,
лет двенадцать он эскизы
рисовал к портрету Лизы,

бедной Лизы Черардини,
бледной Лизы Черардини.

Как рыбак упрямый рыбку,
невозможную улыбку
он ловил в своей гордыне,
путешествуя в пустыне,

марсианскую улыбку
смуглой Лизы Черардини.

Слой за слоем на картине
только соль цвела, а ныне —
задохнись дыханьем бриза:
— Лиза, Лайза... Мона Лиза!

Незнакомых побережий
снег поющий. Лица те же.

Смерть позировать устала.
Снег ложится на уста, на...
Слишком он бесцеремонно
обходился с бедной моной:

— Улыбайся, улыбайся,
Лиза, Лайза! Лиза, Лайза!

Золушка

Бабочка пробует пищу ногами, и
нет на земле никакой моногамии!
Только горящий хрусталик глазной,
только хрустальный сандалик резной,
тапочка, туфелька, чок-башмачок,
в сердце забытый. Лети, дурачок.
Что тебе ад и зачем тебе рай,
рад бы, да поздно. Лови, примеряй!

Горящая жирафа

Та горящая жирафа,
если помнишь, у Дали:
гибкое подобье шкафа,
колченогие нули
или ящики пустые
выдвижные, ровно семь.
И в груди один сердечный,
только сердца нет совсем.

Заголился в небо днищем.
Ни ворьё, ни вороньё
ни записки не отыщут,
не обрящут у неё
ни конфеты, ни монеты,
ни скелета на фу-фу..
Ты ли это, бабье лето?
Пусто в женщине-шкафу.

То ли грифы мандолины,
то ли просто костыли
подпирают нежно спину
полой женщине Дали.
А и мне нужны подпорки,
да не выдержать им вес
извлечённых из подкорки
сникерс-баунти-словес;

фотографий, биографий
из семейного архива
и полок эпитафий
на бессмертные стихи.

Там какой-нибудь платочек
или мамочкину шаль
и знакомый детский почерк —
мне всего на свете жаль.

Как сумела эта дама
не занюхать про запас
ни сокровища, ни хлама,
и не завтра, а сейчас!
Неужели дело в шкафе?
Неужели догорать
легче маленькой жирафе,
если всё и вся раздать?

Всё на свете обратимо,
как в шампанское вода!
Как полено — в Буратино!
Как в спасение — беда!
Как в созвездие Жирафы —
пламя-пение! И та,
в абсолютную свободу —
абсолютная тщета!

* * *

Над оплаканной горном землёй..

Денис Новиков

Трёхколёсного ящера чресла,
припорошенный пеплом клаксон.
Только тронь — вострубит!
Если честно,
начихает на нас в унисон
отсыревшему горлу и горну
самой дерзкой из местных химер:
между костью игральной, игорной —
кость рабочая, встрял пионер!

Он готов к воскресению мёртвых
братьев гипсовых что ни на есть
и сестёр, круголобо упёртых
в совесть павшей эпохи и честь.
На последнее честное слово
опирайся, поруха, давай!
Чьё весло опериться готово —
им крылом помавай, помавай!

* * *

До свидания, девочка Бобочка,
в круглой шапочке из ничего,
довоенного неба коробочка
для «секрета» цвела твоего.

Птичку мёртвую, в целом отличную,
но не певчую, как ни проси,
пеленавшая в землю тряпичную,
и меня с небеси ороси
слабоумной слезой невзрослеющей;

примелькаются вести с полей —
кем засеяны, ведает сеющий,
а ты просто слезами полей.

Что там, зёрнышко, стеклышко, птичка ли:
ямка свежая — детский «секрет»,
или кто там? Сухими страничками,
мятым фантиком снега согрет.

Камень пусть, но к чему фотография,
ритуального сервиса китч?
Разве вспомнилась чтоб эпитафия:
«Улыбаемся, вылетит птич...»

Классный час, или День космонавтики

Между нами шла цунами.

Людмила Пуханова

И сказал он: поехали — ехали, ех!
И махнул рукавом на экране,
и махнул из страны не налево, а вверх —
и Маньяни привет, дескать, Анне.

Кто такая Маньяни, не знала страна,
испарился привет из эфира.
Аня, Маня? — гадали, — жена, не жена?
Аня, Маня... решили, Глафира.

Мужики потянулись в иные в миры,
наглотавшись земных тяготений,
нас питали надежды и рыбы жиры,
каждый третий не гей был, а гений.

Одинокий ли парус белел, парашют,
сердце гнулось от счастья подковой...
Хватит ржать, Шнуропетов! Кличко, попрошу
не плевать на портрет Терешковой!

Девяносто прыжков с парашютом и без —
не для хилых ликбез, гамадрилы!
Соль в очко, а не соль вам в миноре диз,
ноги пухли, не лезли в бахилы.

Прыг да прыг — за текстильный родной комбинат,
за *догоним, даёшь, перегоним*,
за тугие косички, за мат-перемат,
за колхозный пирог с перегноем.

Дочки-матери наши и сёстры — они
дружно в небо рванули за нами.
На советскую власть, Чубуков, не гони!
Между вами и нами — цунами.

Что Америка, пусть остаётся одна!
Не тяни Косякову за космы,
Переплешин, запомни меня, старина,
мы — страна, улетевшая в космос!

Алмазный фонд

Край алмаза торчит из породы —
схваток нет, но похоже на роды.

Намывала тайга-непролаз
в той грязи за алмазом алмаз:
«Роза Ленина», «Сердце Альенде»...
Голубь мира, клюющий кутю,
алой платины пятна на ленте:
любим, помним, прощаем. Адью.

Моросящее небо в алмазах,
рэкет в брекетах, брекеты в стразах,
золотое сечение кости
под брезгливой рукой костоправа.
Параллельная зренью держава,
въезд безвизовый дай, упрости.

«Я — Тайга, я — Тайга!» — позывные
наплывают уже не земные
на челночные наши бега.
Поднебесья бескостный скиталец,
корешки выпускает китаец:
— Ятайга, Вань ю ша, Ятайга!

«Роза Ленина», «Сердце Альенде»...
Рёв страны о похеренном бренде,
всенародного эха «атас!»
И сияет сквозь стёкла витрины
в звонком скипетре Екатерины —
мандарина смеющийся глаз.

Китай-город

Не сердечко тире голубок,
теремок запятая берёзка —
обревелся, до сердца промок,
сам себя хороня, недоноска,
белый свет. Отлетай, белый све...
косяками с Марусями, Санями.
Покатай нас, Китай, по Москве
в шлемах пробковых с инями-янями.

Воркута

Шапки собачьи виляют хвостами,
греются пальцы в карманах хрустами,
музыка та, что была и над нами, —
выбыла, аллес!

Выбита трубочка дня о колено,
выпита рюмочка для. Околело
время, и нет нам до времени дела —
сдохло, оскалась.

Метель

И не голову с плеч, а кепарик
с головы — или шапку шута
унесла в свой безумный гербарий
за беспечным круженьем листа
жести кровельной. Ибо летально
всё, что собственно жизнь. Или жечь.
Силой тяжести брезгует втайне,
шутство норовит предпочесть.

Только жест завершается тише,
чем под снегом хрустят зеркала.
Что сказала во сне, повтори же,
муза-жизнь, ни двора ни кола.
Обернулась зарёванной бабой,
хлеба крошево в рот со стола
огребла и с улыбкою слабой
повинилась: «Как есть тяжела».

Дочки-матери

Пьяным не в стельку — с песней про Стеньку,
с года недельку трезвым не в дым,
встретим — не спросим, где тебя носит
лысым, кудрявым, бритым, седым.
Восемь всего-то,
семь ли на фото
годииков лет тебе, нет тебе зим.
Есть тебе вёсен
семь или восемь,
мы тебя носим — скоро родим!
Жизни не бойся, смирно не стройся —
Игорь, Валера, Дима, Вадим? —
ужин согреем — Васенька, Ося? —
хочешь, Андреем — скоро родим!
Будешь Иваном, Павлом, Романом,
Костей Кравцовым, Шварцбергом А.
Небом насущным, хлебом румяным.
В ватнике рваном сдохни, зима!
Милости просим — мы тебя носим
самым любимым, самым любым,
купишь нам лодку,
сщёлкаешь фотку:
все уплываем на Старый Надым!

* * *

Ещё одну ложку прими на дорожку,
но с горкой — от нищих щедрот —
поэзии горькую, в общем, морошку,
прости, если рот обдерёт.

* * *

Памяти поэта Василия Галодкина

Всё, говорят, пропил.
Всё, говоришь, пропел.

Падая без стропил: точка, тире, пробел...
Решка, орёл, Икар? В Господе воробей.
Некому окликать.

Выдохся, оробел
здравый вороний карк. Оторопи репей.
Тянет летучий скарб облако на горбе.

Сора какого из... видели, слышали-с.
Даром, что перья грыз
в Господе воробей.

Пуха тебе пера набело и вдогон
понамело с утра
с собственных похорон.

Выкуси, приголубь в зобе зерна аминь
и шелухи на рубль
ветру перезайми.

* * *

От усушки и утруски
что осталось? — пара строк.
Сносно всё ещё по-русски
только пушкинский пророк
говорит. Не жжёт глаголом
и не жалит аки змей —
то таджиком в сквере голом,
то узбеком встретит: эй,
вышел месяц из тумана,
не умея погодить,
вынул суру из корана...
Не тебе теперь водить!

Стихийная мемориализация

Копал дренажные канавки
да устанавливал кресты
из дерева. Из тугоплавких
металлов — тем, с кем был на ты.
А маркировочка — в порядке
обычном, как заведено.
И для себя в костлявой грядке
забил местечко. Вот оно.
По руку правую — студентик
берлинский, в голове — хохол...
Какой вам, к чёрту, документик!
Спасибо, что не вбили кол.

* * *

И эти — наспех — веретёнца
свивают в рыжие пучки
бессонницу воды и солнца,
и снова бабочки зрачки
то к волосам прильнут попутно,
то на плечо моё слетят —
следят? — не знаю, как зовут, но
до чего знакомый взгляд!

2

* * *

Ты по спирали, по краю воронки,
воронки без края,
в какие края?
Верю — тобою, тобой — умираю,
выслушай мною и ты соловья,
выдыши ландыши, высмотри мною
всполохи белок в сосновом дупле
и молоко детской речи парное
мною впитай на мгновенной земле.

* * *

Табор снился, с места снялся
куцый табор воробьиный,
клюквы красные дробины
склонув наспех.
Сок остался
на губах моих — не речью
и не горечью: к чему бы
клювы ангелов картечью
целовали спящих в губы.
Сок трезвящий, вкус колючий
кочевого настезь века,
отучающий канючить
спичек-соли, яйко-млека.
Научающий подножным
счастьем полниться задаром,
дробь на дробь в уме помножив
между стужей и пожаром.

* * *

Себестоимость воздуха ниже нуля,
подойдите поближе ко мне, тополя,
и за тёплого слова полушку
кислородом заправьте подушку.
Обещаю, что дам подышать
всем, кто хочет на ней полежать.

* * *

Мы им надежды подавали,
они с надеждой и ушли.
Остались лишние детали,
улики жизни на мели.

Давай их, лишних, не обидим,
а сотворим из них коллаж
и упакуем в створки мидий
защитый в облако пейзаж.

А то да сё к седлу привяжем,
лошадку выведем на брег,
и побредём пустынным пляжем,
и перейдём в любви на бег.

Не то чтоб сами дорожили
стихами в профиль и анфас,
а потому что правда жили
те, что надеялись на нас.

* * *

Маша, ты видела смерть Фаэтона
в спичке, слетающей искрой с балкона,
всё удивлялась: «Ну как вам не жалко
маленькой спички, ведь есть зажигалка!»

Дружно дрожали, намокнув, реснички,
и дорожали в руке моей спички.

Я ли обижу тебя, дорогая?
Скажешь однажды: «Пускай, догорая,
жизнь пролетает высоким пунктиром
в этом ли мире, над этим ли миром —
лишь бы не местный мирок-коробок!»
Тихо и просто скользнёшь за порог.

Вот на какой себя мысли ловлю:
кажется, я тебя благословлю.

Шип

Проникновенен, как никто другой.
С ладони сдуй и разотри ногой,
а всё ему твоё дыханье впору.
Он претендует, проникая в пору,
на львиный рык и соловьиный щёлк
и речь зайки обращает в шёлк.

Вся нежность льва к своей смертельной ране
перепадает сумерками ране
засевшему в ней исподволь шипу.
Не обогнуть шершавую тропу.

Есть тьма проколов, проба на язык
великий и могучий. Он привык
быть сплюнутым, прямой потомок роз.
Не медный таз, так медный купорос
ему судья в соцветьях сорной кучи.
Но шум дождя — и снова прах летучий
скользит по ветру, ветром не судим.
Весь белый свет и тьма проколов с ним.

Бойцовый шип от розы ремесла.
Нет запаха. Но роза подросла.

* * *

Так болтает немой по дороге домой
стоязыкой рукой да порожней сумой.
Собеседник — не мой,
с кем он, Боже, болтает,
но, клянусь, его речь до Тебя долетает.

* * *

В глиняной ямке свинцовый настой
птицей, лошадкой, рыбёшкой, звездой
дымно колыхается, загустевая.
Жанна, чужая жена гостевая,
для мелюзги (где-то сгинул отец)
плавит в посудине ржавой свинец.
Каждый глядит в почерневшую кружку:
ждёт-выжидает подковку-игрушку,
птицу, лошадку..
Нечаянный жест —
вылился в глине не голубь, а крест.
Серый, с подтёками.
Крест не ахти.
Каждому надо с подковкой уйти,
с птицей, рыбёшкой, звездой, наконец!
Крест не игрушка. А просто свинец.
Выбросить страшно. И страшно принять.
Дурочке Жанне дана благодать
в голубя крест и в звезду переплавить.
— Ведь ничего невозможного, да ведь?
На тебе звездочку! Голубя на!
Чёрная кружка. Чужая жена.

* * *

В худую варежку зимы
волхвами — снежные холмы
уходят, проседая.
И ель, совсем седея,
хоронит рыхлою полкой
свой детский страх перед пилой
и держит оборону
в надежде, что не трону.
Ты обозналась. Не дрожи.
Смолистых высей этажи
оспаривает птица,
мне ж только рукавица
и любопытна:
с краю нить
чуть потянуть, подраспустить
и угадать в кругу дыры
благословенные дары.
Пещеры вязаная тишь,
и, кажется, сопит малыш.

* * *

Зачем я вижу всех детьми:
и деда, ветхого деньми,
тётъ-богомолок — Вер и Надь,
и плохишей-героев дядь,
и в серединке — мамой
любуюсь, детской самой.

Они вдали. А вот и я:
над жаркой чашкою дитя
склоняется — и в чайной гуще
глаз отражается хитрющий,
весь ликование и весть:
ах, люди детские, я — есть!

Жизнь пахнет яблоками встреч,
и больше жизни наша речь —
неоспоримое ура
и тем, кто был ещё вчера,
и тем, кто будет вскоре:
я есть — и все мы в сборе.

Никто никем не отменён,
есть наше время у имён.
Моя прекрасная родня,
давно минувшая в меня,
на свет глядит моим зрачком
и ловит бабочек сачком.

* * *

И я улиткою по льду
на шелест веющий пойду,
и в тишине лучи найду,
и не вернусь в себя,
когда мой дом — витой гробок —
за мной покатит ветерок —
едва-едва — на левый бок,
на правый бок...

Куриный бог

1

Все записались в следопыты,
скажи, доподлинно пытали,
но чьи следы? И кем забыты
песком забитые сандали?
Поистрепавшиеся обе
подмётки те — с ладонь едва ли,
одно, но пламенное хобби
за два сезона не предали:
презрев изо и оригами,
по берегам — в щебёнке, в иле
искали бога под ногами.
И находили.

2

А за курение корили
с пелёнок, но не пеленали.
О нас молился бог куриный,
с карандашом шуршал в пенале,
когда на лацканы цыплячьи
цепляли звёздочки с почётом
и цыц на цыпочках маячил,
пугая ленинским зачётом.

Так улыбался крошка дьявол
кудрявым ангелом Володей,
что только в камешке дырявом
из всех подобий и пародий

душа мизинцем в заусенцах
мечту о чуде колупала.
Так отлетал с ударом сердца
сургуч печати пятипалой.

3

Их семь болтается на леске,
игла лишь в этого не вхожа,
малым мала дыра в довеске
семи богов, кремниста кожа.
Подсуетись, кому он нужен,
восьмой, с едва пробитым боком.
Потоньше нитку, детка, ну же!
Потуже узелок, и — с богом!

4

Шорна курис нада режить... Он ленива...
Он яишка не делать, он сыплатка не сижить.
А. Погорельский, «Чёрная курица»

О чём там курица не птица
Алёшу-голубя просила,
почто кухаркина косица
петушьи головы косила
в тиши рождественских вакаций?
Обидно, милая Чернуха,
но ты из тех галлюцинаций,
что ни пера с тебя ни пуха.

И я, как водится, со всеми
глумясь над сказочкой старинной,

зачем ты — спрашивала — семя
травы волшебной коноплюной
ссудила отроку Лексею?
Король откланялся со свитой.
Взор голубиный гол, рассеян,
забит косяк длиною в свиток.

5

Пускай букетик курослепа
моргает в кружке из-под пива
и лужи пенятся свирепо,
у ливня требуя долива.
Никто не трезв на постоялом
дворе печали беспечальной,
миф о прописке постоянной
распотрошили, развенчали,
упаковали в чемоданы,
забили в мусорные баки.
На выход очередь. В начале
босые кошки и собаки,
за ними барственная стайка
поэтов-дворников и дворня.
Листву дословно пролистай-ка
до в кровь ободранного корня.
Вот-вот сорвётся время с петель,
урок несмазанного пенья
перекричит незримый петел,
пора разбрасывать каменья.
Сдан инвентарь, и ключ отобран,
отключен свет на полуслоге.
Уходит родина подробно.
Растёт дыра в курином боге.

Солдатик

Шёл солдатик оловянный,
нелюбимый, нежеланный,
только стойкий — если столько
оловянных слёз пролил:
ни одной из них — пустой,
неприцельной, холостой.
Шёл солдатик оловянный,
а казалось, что седой.

Рядом шёл солдат стеклянный,
первым снегом осиянный,
на войну не слишком званный,
напросился — взяли впрок.
До того был взгляд прозрачен,
что казался всем незрячим,
был обут и в полк назначен,
всё казался — без сапог.

Ну и третий — как ведётся,
сам дурак вослед плетётся,
на затылке стружка вьётся,
темя брито под верстак.
Даст зелёные побеги —
оберут на береги,
а последний листик пегий
отлетает на рейхстаг.

Эко дщица! С деревянной
рукавицы жамкал манну
снега первого, чужого,
дарового натошак.

Набивает безымянный
манной снежною карманы,
а на первого-второго
не считается никак.

До рейхстага ли, на Трою —
добровольцами из строя
вышли только эти трое.
Изумлялся младший чин,
чужедальнею порою
им одну могилу роя:
всё, казалось, было трое,
оказалось, что один.

* * *

Останься на земле,
не жди меня на небе:
картошины в золе
и хлеба чернота
поведают любовь,
и невесомый стебель
поддержит небосвод
всей немощью листа.

Оставишь по себе
не дерево, не книгу,
но самого себя —
и дерево шумит,
страницы шелестят,
и тёплой ковригой
день пущен по воде
блаженной из утрат.

Достанемся судьбе
такими дураками,
скиталице сквозной,
невнятной никому, —
что вскрикнешь «воробей!»
ты на летящий камень —
и станет воробей
по слову твоему.

* * *

А всего и хотелось —
слушать ветер на пне,
чтобы птице летелось
в назидание мне,
чтоб траве шелестелось
и шуршалось жуку,
жизни пряность и прелость
осыпая в строку.

* * *

Как минет год со дня моей
непредугаданной кончины,
не собирай домой друзей —
без объяснений, без причины.
Уж где-нибудь и как-нибудь
сумеют сами помянуть.

«Всего-то год. И год уже», —
вот всё, что на сердце шепнётся.
Ты прогуляйся, пусть божьей
озябших стайка встрепенётся,
когда подашь, что Бог пошлёт
тебе в тот день, как минет год.

Поддай старухе вековой,
торгующей какой-то рванью,
мой полушубок меховой —
авось не разразится бранью.
И милой девочке, в трамвай
спешащей как-то угловато,
ты руку ласково подай,
как подавал и мне когда-то.

Купи поджаристый батон,
располовинь (прости мороку) —
одною накорми ворон,
другую — прочую сороку.
А хочешь, всё наоборот:
зови гостей, затепли свечи!
Любимый, только б минул год,
там будет легче, легче, легче.

Драхма

1

Невысокий слог у любви порой,
так заходит Бог в твой закут сырой,
говорит: прими двести грамм, сынок,
и носи свой крест. Ведь и Я не мог.
Плыл горé в подол, огребал лицом,
и оставлен был на кресте Отцом,
и, затёкшим глазом вбирая явь,
шевелил едва языком: оставь
им грехи, Отец, небывалые.
Не в себе они, эти малые.

2

За тридцать сребреников? Нет,
за пачку сахара и «Примы».
Не поторопишься чуть свет —
последним в очередь не примут.

За тридцать сребреников? Нет,
за пайку сумрачного хлеба,
за отсыревший тот кисет,
за телогрейку цвета неба.

3

Ангел пел, а может, хор.
Восемнадцать лет с тех пор,
а ведь помню, помню... Вор,
обобрал себя до нитки
и завидую улитке:
хорошо в траве ползти,
на себе свой дом везти
до — калитки, за — калитку,
закалила жизнь улитку.
Кто бы выстрелом в упор
убаюкал мой позор —
всё бы дело! Сам хотел,
да не вышло — Ангел пел.

4

А сказали бы ему:
плохо в мире одному,
хочешь, вместе будем жить,
полно душу ворошить —
эту нищую суму,
я её не отниму.
Но подашь её однажды
в руки Богу самому —
может, Он в суме пустой
и отыщет золотой.

5

А за собственной подкладкой
с вороватою повадкой
шарить вам не приходилось?
Закатилось, закатилось!

6

Напившись чаю, разве можно
мечтать о млечности простора
на полпути к Святому Граду,
где каждый жив и нет меня?

А собеседник мой молчальный
встаёт, и белою рогожей
ложится свет ему на плечи
степного дня.

* * *

Так умирают древоцвѣты.
В поюсторонней желтизне
уже не всуе входят в лето
и прилучаются весне.
И, снега бремя принимая,
в просторном воздухе парит
ветвь лучезарная, немая
и высокою тень поит.

* * *

Лишь воздух-пасынок и девочка-вода
да приживалка махонькая осень
неволят сердце биться иногда,
как вспоможенья у глухого просят.

Перебирают пёрышки, лузгу,
голимой веткой ветер погоняя.
И я ловлю в проветренном мозгу,
что им сейчас недалёкая родня я.

Мне лишь того хотелось на веку,
на что никто уже не покусится,
и жизни лыко, льнущее в строку,
затем и льнёт, что в лапоть не годится.

Ты помнишь песню про шумел камыш?
Кто не шумел, мой ангел, кто не гнулся?
Зачем сегодня каменный молчишь
и в первый снег с утра переобулся?

Как будто с кем-то споришь на щелчок
невидимого фотоаппарата
и до сих пор глядишь в его зрачок
сам на себя, как в точку невозврата.

Перелетело, вникло, налегло
на фотографий выстуженный ворох
последней спички лёгкое крыло —
и кажется прощеньем каждый всполох.

Дверь-облако дрожит от сквозняка,
просторен дом над камышовой рощей.
Восходит снег. И тень твоя легка
на бледном снимке с панорамой общей.

Бабки

1

— Шапку, значит, ищу на снегу,
шарю, шарю рукою, замёрзла
без перчатки рука, я дышу —
дую, то есть, на пальцы
и слышу:
— Ты, бабуленька, что ж разлеглась
на дороге?! Ушиблась ли, чё ли?
А сама головою верчу:
где бабуленька?
Бабки не вижу...
Ах ты, господи, это же — я!
Не заметила, как постарела.

2

— Когда мои родители ушли
«туда», — она вздохнула, —
веришь, Лен,
всё разом унесли они с собою...
И телевизор, Лен, и холодильник.

3

Видех бо во гробе лежаща
брата моего двоюродного,
бесславна и безобразна...
Та ещё образина!

А этот и не безобразный вовсе,
и лицо приветливое, не испитое,
и гроб под орех, красивый,
помяни его душу, Господи.
Только надпись-то на фургоне
идиотская:
*кооператив «Мечта»,
мебель на заказ.*
Это ж надо, а?
Быстро, дешево, комфортно!
*По вашим размерам,
с доставкой на дом.*
Уж и не знаю,
быстро ли ему, бедолаге, было, комфортно...

4

— Были бы деньги грибами, прикинь.
Было бы честно:
малёк, а находим.

В школе не учат вас компасу, Люся,
нет? Маяковский, стихи, хорошо.

Ладно, давно застрелился, а то
сколько бы девкам мытариться, сколько,
бедным, зубрить.

А на местности худо
с ориентиром. Места надо знать.
Топографический, Люсь, кретинизм.

Вот и хожу — у шоссе, по канавке.

Вроде затоптано всё, а глядишь,
сбрызнуло чуть — и торчат сыроеги,
два-три грузочка, опята торчат.
Белые, знаешь, и те выпирают.

Лес, он молитвы-то слышит, подаст,
детям особенно.

Люся, проси-и!

.....

Это не бледная, Люся, поганка,
не мухомор-замухрышка-навозник.

Вылитый белый! Ядрёная ножка,
тютелька в тютельку,
замшевый весь.

Чистенький весь, никаких червоточин,
листик на шляпке — что твой д'Артаньян
в роли Боярского.

Страшная сволочь:
бросишь в кастрюлю — кастрюле конец!

* * *

Было, Люся, рядышком шёл, а я и рада, что шёл, куда не спрашивал, верил, что домой. Камешки выкашливал, сердолики, яшма вот, голубь наш неряшливый, хоть слезой обмой.

Говорить не в праве я, но пиши о здравии, не осталось гравия в нём — один сквозняк, кашками-ромашками к небу вверх тормашками шелестел, как маленький, — нравилась возня.

Было, Люся, было ведь, рыбку, что ли, выловить отпросился, ила нет — чистые круги...

Долго над кругами он с кем-то разговаривал, я его ругаю, но рыбы в сапоги набралось до дюжины: в двух зобах жемчужины мною обнаружены, Боже, помоги!

И кому он ряженный, и кому он суженый, шёл бы уже рядышком рёбрышком к ребру, ну и пусть контуженный (где уж был налаженный!), ну и пусть прикрученный к птичьему перу.

Копилка

Морщины-трещины в коре, архивы годовых колец, все точки и тире от древоточцев их, раскаты молний-телеграмм, в луче отвесном пыль — бурлящий жизнью божий хлам, неистовый утиль в меня слагала на бегу.

— Постерегу, беги!

Ни вор, ни тать в моём мозгу
не разглядит ни зги.

Монеты ближних заграниц, цитаты с чьих-то слов из Достоевского и Ницше, позже из отцов-пустынников — поводырей деревьев и зверей, камней-людей, цветов-людей и бабочек-людей.

Она в меня про чёрный день копила то да сё:
— Однажды будет день спасён трёхстишием Басё, — внушала, — ночь озарена однажды будет нам неспешным золотом зерна, что я земле предаю.

То в угол спрячет прочь от глаз, то сотрясёт меня: звенит ли «золотой запас»? Звенит! Не разменять.

И вновь в бега:

— А ты звени,
звени! Агу-агу!

И никаких ей «извини, я больше не могу».

Работа нервная, семья, сквозняк — в затылке щель...

Прости копилку, я — свинья!

Разбей меня вообще!

На звон дин-дон ведёшься — чу! — не я звеню, не я.
Несметный бисер твой мечу,
мечу его — свинья!

Но ни в какой такой связи с жемчужиной в грязи:
— Несу! — аукает.
— Неси
добро своё, неси!
За солнцем топает в зенит Кабирией ночей,
Мазины голос так звенит Джульетты или чей?
И шелест-смех, и шелест-страх — уста, уста, уста —
всем эхом — эх! — всем ахом — ах! — неси, пожалуйста!

* * *

Кровь кузнечика белого цвета,
ночь дрожит от его фальцета
беглой дрожью пустых аллей.
Убывает печаль о детстве,
братстве, сестричестве, соседстве,
с каждым шагом туман белей.

Опечатана светом пустошь.
Дом, который досрочно пусть уж
в самом деле построил Джек —
снялся с места, уехал в Устюж,
Тимбукту, Воркуту и Лутошь,
на Луну переброшен ЖЭК.

Убывает печаль о детстве,
братстве, сестричестве, соседстве,
вместе с кровью на цвет любой.
Лишь кузнечик горячку порет,
добела раскалённой спорит
с кровью лобстера голубой.

* * *

Гренландия теряет льды,
а над Москвой тернистый дым:
кто завещал свой мирный прах
над ней развеять?
Вдыхая траурную взвесь,
кого теперь хороним здесь,
на круге ярмарок и плах
в огне трезвея?

Чьи атеисты-старики,
как пальцы, сжались в кулаки,
в наивном жребии: «Реки,
в котором спичка!»
А спичек нет. Иным огнём —
иная жизнь на ней, на нём
вне прохладительной строки:
москвич, москвичка.

С горячей марлей на устах
нам легче призывать Христа,
когда свободные места
шипят на карте.
Где выкипают словари,
там Слово. Прочие сотри:
delete — и больше не болит
душа на старте.

Натуралист

1

На волнах танцующие панцири
вычерпанных ложкой черепах.
Очарован музыкой и танцами,
задубевших клацаньем рубах, —
«Сорок восемь, —
вписывает в рапорт
юноша-гурман, натуралист, —
съедено и выброшено за борт», —
и переворачивает лист.

2

Уминая разницу от суммы
снятых эволюцией голов,
всё бодрей заглядывает в трюмы
нежный недоучка-богослов:
броненосцев мясо или пумы,
мясо игуан и мясо сов...
О, какие навевает думы
кость с Галапагосских островов!

3

Где, зверьком испуганным икая,
рыкая наивно и юля,
отступала прочь болезнь морская,
приближалась новая земля —

лакомство уму и пища зрению:
— К чёрту рясу, если на ловца
зверь бежит и верит Воскресенью.
Много мяса в доме у Отца!

4

Умирая: «Музыка — в экстриме...» —
и ладонью покрывает пах,
словно на присяге в древнем Риме:
— Я запомнил танец черепах!
Я запомнил... — далее невнятно,
что-то про закрученную сеть...
— Цвета лососины — тучи, пятна...
Не будите, дайте досмотреть.

* * *

Не имея оттенка, нежнее котёнка,
не брезгливее кошки, тактично и тонко
между крошкой и скатертью,
ложкой и щами —
навещает спонтанно:
«На выход. С вещами».

* * *

Шёлковыми ботами шли, по фене ботали,
ближними воротами в дальние края.
Были все мы новые,
платья не кондовые,
белые оборочки —
не мешки старья.
За полночь, поверишь ли,
день стоял всамделишный,
рыбы шли, и птицы шли, косяками шли,
чухали канавами волки с волкодавами
чудами двуглавыми в розовой пыли.
Часовые выцвели —
ни часов, ни выстрелов,
ни погон, ни лычек, ни... лютики в овсе.
Господи,
присни меня дочери за Вычегдой:
я не холм без имени, я иду как все.

Едоки картофеля

Угольной крошкой ошкурены профили,
да, едоки кормового картофеля:
комедианты-любители, профи ли,
звезды эфира.

Были и мы не чужими на пире
у Мельпомены. Картошкой в мундире
нас оживляла жена конвоира,
к чести мундира.

Та, что в массовочке дрыгала ножкой,
но не казалась нам мелкою сошкой:
— Bravo, Эльвира, и носик картошкой!
— Bravo, Эльвира!

Да и они не чужими на пире
были, в оркестре бряцали на лире
два вертухая порой, и не хаю
я вертухаев.

Театришко драмы, а не сатиры.
Памятка зрящему в бездну сортира:
падают, падают звёзды с мундира,
зря не хватай их.

Речитативом выпаливай мѣчты,
меченный краской дешёвой, но меч ты,
раз при корнях залежалась секира
в гноище мира.

Актриска

Все плюсы «дворняжки»
и минусы с ней,
ещё две затяжки —
и взглянет нежней
на хлеб, из чужих принимаемый рук,
на вбитый под самую крышею крюк.

Неловко привстанет на свой табурет и,
пока не рассеялся дым сигаретный
(эффектная пауза),
перец и лук
повесит сушиться, как сердце на крюк.

* * *

За танец с веером — сторицей.
Ещё вы помните стихи,
те, что прочли императрице
на детском утреннике? И
Петров, Катаев ли, Олеша
утешен был, молясь на вас,
и взвешен, словно горсть черешен,
нашелся лёгким в самый раз?

Году, напомните же, в тридцать...
Катаев, Зошенко, Покрасс?

Как долго плакал брак счастливый,
за пожеланием всех благ
кого тянули из петли вы,
кто за собой тянул в ГУЛАГ?
Два попугайчика цветастых
в одних наручниках судьбы.
Казалось бы, Господь воздаст и
напоит ещё с губы.

Птичка

Валентине Васильевне Сперковой

— Что ж ты, птичка-невеличка,
с Муркой споришь-то?
Где заначка, твоя нычка,
твоё чёрт-те что
никудашное, драчливое, ушастое —
куда вышло, улетело-то, где шастает?
Отсырела твоя спичка,
больше нетути!
Ну какая ты москвичка —
копоть в перхоти.
Бурки белые у Мурки,
бурки фет-ро-вы,
брось чирикать против шкурки,
против ветра выть.
А на Мурке рукавички —
пух, перо, туман,
а у Мурки-мурманчанки
с опером ро-ман...

Легче пуха, легче праха,
легче пепла вся,
задрожала горе-птаха
да распелася:
отлетело моё счастье,
не споймали — ввысь,
отыграла с Муркой в жмурки,
отбоялась, брысь!

Уронили мишку на пол

Стихи и звёзды остаются...

Георгий Иванов

За эти норки-чернобурки
с полётом в собственном авто
пять лет цитировали урки
вам в норах Агнию Барто:
как Мишку на пол уронили,
потом поставили на кон.
Как почки, лапочки отбили
и тронулся умишком он.

Стихи и звёзды оставались
глотать венозное вино,
но вы звездой не назывались,
и было вам не всё равно,
что Мишку на пол уронили,
потом поставили на кон,
что в общей яме схоронили,
что смотрит он со всех икон.

Актриса

Президентская пенсия плюс
баронессы негаданный титул!
Не о том, извините, молюсь,
хоть смотрю сериал «Литл Британ».
Хоть на ярмарку новую в
Лужники волокусь и Коньково,
хоть всё ваше правительство — св...!
Нехорошее честное слово.
Хоть в свои девяносто, дружок,
примеряю и цапки, и шмотки,
слуховой заменяю рожок
тишиною за стопочкой водки.

* * *

«Люблю, целую, скоро бу...»
А где ты бу, на том — табу.
Без уточнений: или-или,
не любопытствовать просили,
звонит по ком в траве тайком
июньским тоненьким деньком
сей колокольчик синий-синий.

Актёр

Мазни по сердцу гримом —
и мимо, мимо, мимо,
ещё поговорим о
Риме № 3,
пока суфлёр заплечный
грозит геенной вечной,
ах, Ангел мой увечный,
прошу, не истери.

По огненной геенне
иду себе не гений,
насвистывая тáнго,
а может быть, тангó,
на дураков в геенне
нет никаких гонений:
не плохо, друже, хуже,
чем было до того.

Мазни по сердцу гримом
и ври неоспоримо,
не все дороги к Риму,
случаются и от.
Не верит Станиславский,
а Мейерхольд — смотри, он
на вы, на вы, на выход
из цирковых ворот.

* * *

Дёрни за верёвочку, девочка,
отверзнется
дверочка ли, дверище,
верь ещё, вот-вот...
Обманулась ласточка — грозная вестница:
«Берегись, окрашено! Не входи, убьёт!»
Кукловод отвяжется,
длинною покажется куцая верёвочка,
серая пенька.
Каждому по вере, но
смерти нет, проверено.
Только где откроется —
тайна велика.

Содержание

Анатолий Найман. Поэт останется при своём	3
---	---

1

«Не чёрен мел и хлеб не бел...»	11
«А Нева — жива, не стара ещё...»	12
«То ли в проруби неба малёк-самолёт...»	13
Оттепель	14
«Слишком седой пробор...»	15
Царь	16
«А если в облаке звезда...»	17
Стадо	18
Лов	19
Белые совы	20
«Кто накрыл покосившийся остров...»	21
«Кофе крепкий. Даже очень...»	22
Сфинкс	23
Гобелен	24
«Гребень, срубленный с шлема до самых волос...»	25
Марс	26
«Густо мечется бисер...»	27
«Эники-беники ели вареники...»	28
«Кто-то плачет подробно — идёт наугад...»	29
Костюмер	30
«Путешествуя на льдине...»	31
Золушка	32
Горящая жирафа	33
«Трёхколёсного ящера чресла...»	35
«До свидания, девочка Бобочка...»	36
Классный час, или День космонавтики	37
Алмазный фонд	39
Китай-город	40
Воркута	41
Метель	42

Дочки-матери	43
«Ещё одну ложку прими на дорожку...»	44
«Всё, говорят, пропил...»	45
«От усушки и утруски...»	46
Стихийная мемориализация	47
«И эти — наспех — веретёнца...»	48

2

«Ты по спирали, по краю воронки...»	51
«Табор снился, с места снялся...»	52
«Себестоимость воздуха ниже нуля...»	53
«Мы им надежды подавали...»	54
«Маша, ты видела смерть Фэтона...»	55
Шип	56
«Так болтает немой по дороге домой...»	57
«В глиняной ямке свинцовый настой...»	58
«В худую варежку зимы...»	59
«Зачем я вижу всех детьми...»	60
«И я улиткою по льду...»	61
Куриный бог	62
Солдатик	65
«Останься на земле...»	67
«А всего и хотелось...»	68
«Как минет год со дня моей...»	69
Драхма	70
«Так умирают древоцветы...»	73
«Лишь воздух-пасынок и девочка-вода...»	74
Бабки	76
«Было, Люся, рядышком шёл, а я и рада, что...»	79
Копилка	80
«Кровь кузнечика белого цвета...»	82
«Гренландия теряет льды...»	83
Натуралист	84
«Не имея оттенка, нежнее котёнка...»	86
«Шёлковыми ботами шли, по фене ботали...»	87
Едоки картофеля	88
Актриска	89

«За танец с веером — сторицей...»	90
Птичка	91
Уронили мишку на пол	92
Актриса	93
«Люблю, целую, скоро бу...»	94
Актёр	95
«Дёрни за верёвочку, девочка...»	96

Ирина Перунова. Коробок

редактор:

К. Кравцов

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 5.12.2013.

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 6,25

Тираж 400 экз.

Ирина Перунова родилась в 1966 году в Воркуте. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Юность», «Новая Юность», «Октябрь», «Воздух», «Гвидеон», антологиях «Русская поэзия. XXI век» и «Наше время». Член Союза российских писателей.